

Се Чжинянь не собирался сидеть сложа руки в ожидании смерти. Как говорится, под носом у императора всегда полно заговорщиков, а человеческие сердца — самая запутанная вещь на свете. Никогда не предугадаешь, кто решит тебя предать, да и в искусстве подставы и клеветы всё зависит лишь от мастерства исполнителя. Нужно найти козла отпущения.

— Разве у тебя уже нет на примете подходящего кандидата? — отозвался 028. — Пока ты сидел на базе, там был один старик, который яростно выступал против тебя и Лу Синчжоу.

Се Чжинянь:

— Если добавить к нему Цзян Чжунъяня, будет в самый раз.

Се Чжинянь действительно позабыл, что прямо под боком у Лу Синчжоу есть идеальный козел отпущения. Даже при том, что Лу Синчжоу обладает абсолютной властью, тот старик, опираясь на свой стаж, давно точил зубы на трон.

— Доброе дело, обернувшееся бедой, лучше, чем зло, доведенное до конца, — подумал Се Чжинянь, представляя момент истины.

Он лежал на кровати, глядя в потолок, и, прикрыв глаза, с восторгом обдумывал план:

— Я приму на себя роль подлеца. Косвенное убийство — это не так уж просто доказать.

В конце концов, это была не его вина, всё зло исходило от Указателя.

Се Чжинянь увидел свое отражение в оконном стекле: шрамы, похожие на сухие ветви, казалось, вот-вот лопнут, а огрубевшая кожа, словно камень, постукивала по стеклу.

Се Чжинянь:

— Если свалить всё на вынужденные обстоятельства ради Лу Синчжоу, этот тупик вскоре будет пройден.

028:

— Заранее поздравляю хозяина с успешным Обелением.

Злодеи тоже бывают разные. Высокомерные и дерзкие юнцы — это низший сорт. Если говорить начистоту, можно ли ожидать от безмозглого злодея стратегии по уничтожению города? Се Чжинянь решил стать злодеем глупым, но вредным: он будет и лицемерить, и требовать признания, пытаясь усидеть на двух стульях сразу.

Он во что бы то ни стало должен взломать код, установленный Главным богом.

Ночь, словно огромная сеть, накрыла виллу. Цветы бегонии дрожали под порывами ветра.

Лу Синчжоу покинул комнату. Перед глазами всё еще стояло бледное, полное отчаяния лицо Се Чжиняня — юноши, которого он знал тринадцать лет, которого растил и лелеял. Райские условия сменились адом. Лу Синчжоу шел, волоча кровоточащую ногу, затем опустился на корточки и вытащил осколок стекла, вонзившийся глубоко в кость.

О чем он жалеет?

Он постоянно спрашивал себя, с чем борется.

Этот человек причинил тебе столько боли, почему ты всё еще беспокоишься о нем?

Он швырнул в тебя стекло, так почему ты продолжаешь пребывать в ослеплении?

Лу Синчжоу собрал кровавые слезы Се Чжиняня. Вода под его ногами мгновенно превратилась в лед, капли дождя застыли, словно жемчужины, рассыпавшись по земле. Он откинул со лба прилипшие волосы, и обида, подступившая к горлу, ударила в голову.

Неужели у него действительно были скрытые причины? Неужели его юноша не преступник?

Стоит ли ему верить?

— Мерзавец! — выкрикнул Лу Синчжоу. — Ты всё еще оправдываешь его? Тебе мало было урока с Сун Сяоханем?

Лу Синчжоу ударил кулаком по стволу бегонии, в ярости колотил себя в грудь, а затем безжалостно вплеп себе три пощечины, надеясь хоть так прийти в себя:

— Ты просто жалкий слабак! Человек тебя не любит, а ты всё равно к нему лезешь!

Лепестки цветов прилипли к его лицу, раны быстро распухли. Ты просто жалкий слабак, твердил он себе. Се Чжинянь своими руками швырнул в тебя вещи, а ты всё еще пытаешься ему верить? Какая же абсурдная любовь заставляет тебя терпеть такие муки?

— Нельзя проявлять слабость.

Лу Синчжоу оторвал кусок ткани от одежды, кое-как перевязал раны на руках и ногах. Он подавил стон, прихрамывая, побрел вперед. Еще недавно его спина была прямой, теперь же он опирался на ветви бегонии, а сквозь пелену дождя всё расплывалось.

— Не будь глупцом, не позволяй трагедии повториться. Сколько раз ты готов платить одну и ту же цену?

Роща бегоний, примыкавшая к заднему двору базы, представляла собой двухсотметровую

аллею, засаженную цветами с обеих сторон. В народе это место называли Лесом Трупов-Призраков.

Каждый шаг Лу Синчжоу был шагом по телам. Он похоронил своих родителей и родственников под этими цветами в память о тех, кто погиб в Жунчэне. Если присмотреться, на корнях деревьев можно было разглядеть вырезанные имена, например, Лу Чэнье, и небольшие насыпи холмиков.

Под каждым деревом был прах.

— Приди в себя, — шептал он.

На корнях были вырезаны знакомые имена. Се Чжинянь придумал фальшивое оправдание, но Лу Синчжоу был счастлив уже тем, что тот вообще захотел объясниться, что в нем еще теплились остатки раскаяния и мягкости.

— Приди в себя.

Третий дядя, отец — все они погибли, когда Се Чжинянь открыл городские ворота. Каждая буква на деревьях была вырезана рукой Лу Синчжоу. Они пали в той трагедии, когда город окружили зомби.

Если ты продолжишь любить Се Чжиняня, ты — идиот!

— Лорд, как вы поранились? — Ли Цзянь, держа черный зонт, выбежал из конца аллеи. — Неужели разговор с господином Сун не задался? Я так и знал, что он не даст вам покоя. Неужели вы забыли, что у него на уме недоброе?

Лу Синчжоу молчал. Его руки и сердце оледенели.

Ли Цзянь продолжал:

— Лорд, не считите за дерзость, но вам следовало бы запереть его вместе с Цзян Чжуньинем на вилле. Это было бы слишком мягко для него.

Зомби пятого уровня не были соперниками Лу Синчжоу, но тот явно был застигнут врасплох. Раньше, когда они были вместе, Ли Цзяню не нравился этот беспомощный Се Чжинянь. Его не волновала разница между эвольверами и обычными людьми, его бесило, что Се Чжинянь постоянно изводил прислугу и каждый день устраивал истерики их Лорду.

Лу Синчжоу сохранял бесстрастное лицо, но, услышав о Цзян Чжуньине, сбросил с себя оцепенение:

— Повтори, что ты сказал?

Если Се Чжиняня запрут на базе с Цзян Чжунъинем, проклятия в его адрес не заставят себя ждать. Ли Цзянь прорычал сквозь зубы:

— Простите, я сболтнул лишнего. Цзян Чжунъинь действительно страдает, многие бросают в него чем попало. Поэтому я и злюсь: он так с вами обращается, а вы всё еще проявляете к нему мягкость.

Ли Цзянь замолчал, поняв, что Лорд не хочет продолжать эту тему:

— Ваши лодыжки выглядят серьезно поврежденными. Позвольте мне обработать раны, от воды они могут воспалиться.

Лу Синчжоу:

— Выглядит страшно, но на самом деле не болит, кровь остановилась.

Он оглянулся на виллу в конце аллеи:

— Найди кого-нибудь надежного и посмелее. Убери все острые предметы из комнаты Сун Чжиняня и следите за ним. Я боюсь, что он может наложить на себя руки. Обо всем подозрительном докладывать мне немедленно.

Се Чжинянь слишком дорожит жизнью, чтобы покончить с собой, но Лу Синчжоу всё равно должен был быть готов ко всему. Глядя на виллу под дождем, его остывшее сердце вновь сковало льдом: он не мог позволить Се Чжиняню стоять на коленях на базе, его раны были слишком тяжелы, чтобы вынести такую боль.

— Лорд, вы что, решили к нему вернуться? — Ли Цзянь, увидев выражение лица Лу Синчжоу, не удержался от вопроса. — Вы обращаетесь с ним совсем не так, как с Цзян Чжунъинем. Если это вскроется, что о вас подумают остальные?

— Мне всё равно.

Лу Синчжоу, вопреки своим принципам, всё еще был с этим мужчиной. Он подавил пульсирующую вену на виске. Слово вернуться было здесь неуместно. Он сжал кольцо лучника на пальце, прокручивая его. После дождя запах крови стал только сильнее.

<http://bllate.org/book/20367/2037371>